

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

ПЛЯШУТ НАД РЕКОЙ ПОДЁНКИ...

НАД сонной рекой в застывшем воздухе под луной пляшут прозрачно-белые мотыльки. Их несчетная тьма, над просторной рекой им тесно, они вылетели на свадьбу, вылетели, чтоб порадоваться минуту и.. умереть... Этим мотыльков зовут подёнки, потому что все они живут по одному дню, не более...

Свадебное кружение мотыльков-однодневок — это, так сказать, «наплыв», картина, возникающая в памяти Насти Сыроегиной, героини новой повести В. Тендрякова «Подёнка — век короткий». Реальность, поощрявшая героиню к воспоминаниям, куда прозаичнее.

На первом месте в Настинной жизни свиноферма, где складывалась ее репутация «гордого знамени» колхоза, а затем области и где наличное поголовье, увы, намного меньше отчетного. Есть у Насти большая мать, муж Костя — простая душа, смиренно стоящий при должности председателя сельсовета и при жене-знаменитости, есть, наконец, целый короб неотвязных забот. И среди них главная: как встретить и пережить день, когда всплывет история с мертвыми пороссятами «душми», приписанными к «рекордному» стаду?

Итак, хрюки, свинюматки, дутые рекорды и почти бесплотные мотыльки. «Субстанция», что и говорить, не слишком родственные. Скажем и другое: облик самой Насти Сыроегиной не очень-то «вписывается» в метельное кружение августовских подёнок. Нам достоверно известно, что такие качества, как, допустим, «мечтам невольная преданность» или обостренность поэтического чувства, за ней не числятся. Да и статьями своими наша героиня несколько избыточна. Недаром она вдохновила сельского куплетиста на весьма выразительную импровизацию:

Плывет мурица по рудину,
Крытом гонит волну.
Эх, девка с грудями
по рудину
Достанется кому?

И все же аллегорические подёнки имеют к Насте прямое отношение. Добавим, и не к ней одной, потому что Настя Сыроегина неожиданно для себя оказалась на скрещении деловых, а равно дяляческих интересов весьма обширного круга людей, психологически причастных к ее «величию» и «падению». Да, именно психологически. Вернее, психологически — прежде всего. Хотя сначала может показаться, что «замешанным в деле» лицам здесь доверена подсобная роль без права на самостоятельную внутреннюю жизнь — роль наставников или невольных «поощрителей».

Взять, скажем, председателя колхоза Артемия Богдановича. Так ли уж устойчив он в своем амплуа «искусителя»? Начнем с того, что к сонму ловчих и людей «без предрассудков» Артемий Богданович, человек далеко не первой молодости, приобрел сравнительно недавно: кампания по тотальному внедрению торфоперегонных горшочков застала его

еще вполне невинным, готовым, не размышляя, обратиться спущенное сверху указание в личный энтузиазм. Зато «королеву полей» он встретил уже во всеоружии тактического мастерства. Теперь Артемий Богданович научился пропускать мимо себя очередную кампанию, имитируя при этом пылкий энтузиазм и дисциплинированность. Правда, почти ежедневно ему выносили выговоры за низкие показатели по «модным» культурам, но Артемий Богданович быстро утешался самодельным афоризмом: «Выговор не туберкулез, носить можно». Не в пример Ивану Чупрову, герою ранней тендряковской повести, Артемий Богданович в полном ладу с собой и морально непробиваем. Мало того, он неизменно лучезарен и свой путеводный принцип — «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет» — провозглашает с добродушным самодовольством и наивным увлечением неопита. А в неопитах Артемий Богданович подзадержался не

сознание, что она, теперешняя, нужна людям:

«...Люди ХОТЯТ верить в нее, людям это НУЖНО... Великое дело поддержать бодрость...»

Серия эпизодов, рассказывающих о короткой и зыбкой Настинной радости, о каждодневном, ежечасном обмене, который для многих был «возвышающим», прочно «монтируется» у В. Тендрякова с картиной свадебного пиршества мотыльков-подёнок. «Монтируется», если вновь прибегнуть к кинотерминам, и «прямо» (как непосредственная параллель к сквозному действию повести), и «по контрасту». Особенно примечательно второе. Да, с одной стороны, свиноферма, стихия упорного, без продыха, труда, щедрое цветение плоти, с другой — «мотыльковость». Или взглянем на дело шире. С одной стороны, земля, требующая от своего «сеятеля и хранителя» чуткого, несуетного внимания, необремененной совести; не утихшая в сердцах боль двух военных

Н О В Ы И М И Р

В. Тендряков. «Подёнка — век короткий». № 5. 1965.

лет; исконная крестьянская ательность (ее мы наблюдаем также и в Насте) и крестьянская брезгливость к «баловству», с другой — торпливо-нервозное (или благодушное, с хитрецей) «Хоть день, да мой». Таковы у В. Тендрякова главные полярности, находящиеся между собой в напряженном взаимодействии, которое в конечном счете разрешается взрывом, «чрезвычайным происшествием»...

Не спорим: «чрезвычайные происшествия» — почти неотъемлемый атрибут тендряковской прозы (достаточно вспомнить повести «Тройка, семерка, туз», «Суд», «Чрезвычайное», «Короткое замыкание»), однако в картине Настинного преступления мы менее всего склонны видеть испытанный литературный «ход». Целостность, внутренняя органичность образного мира «Подёнок» исключают расчетливое, остроумие ради, нагнетание драматизма. Это одно. И другое — значительность рассказанного В. Тендряковым.

Истощившие деревню невзгоды военных лет, трудное послевоенное десятилетие, а отсюда затянущаяся полоса самоограничений; вполне очевидные преимущества города; наконец, практика внезапных административных озарений, долгое время процветавшая в сельском хозяйстве, — таковы у В. Тендрякова ясно различимые общие истоки «драмы нетерпения», разыгравшейся в деревне Утицы. Эти общие истоки в соединении с логикой характеров образуют строгую, даже жесткую систему обусловленности, которой подчинены поступки и чувства героев, подчинено движение сюжета. Жесткая система здесь не случайная. Писатель стремится найти психологический «эквивалент» тех явлений и процессов, что составляют далеко

не самую отрадную часть исторического опыта нашей деревни. И находит, и заботится, чтобы найденное не расплылось, не ушло из «фокуса». Заботится не впуская. Ясность, «прицельность» авторского взгляда на вещи, напряженность связей, многозначность деталей делают новую повесть одним из наиболее целостных произведений В. Тендрякова.

Правда, сосредоточенность писателя может порой обернуться и «рассеянностью» по отношению к тому, что оказалось как бы на периферии его зренья...

Появляется, например, в повести Настина «конкурентка» Ольга Карпова — свинарка из другого района. У Ольги и дела идут претотлично, без всяких приписок, и на душе полный покой. Мы, разумеется, ждем, что автор не ограничится констатацией «положительного факта», а попытается объяснить Настю Сыроегину через Ольгу Карпову и наоборот. Но автор, к сожалению, не пытается. Ольга Карпова вызвана им на сцену главным образом для того, чтобы приписать солью Настинные раны; вопросы, возникающие у нас в связи с ее появлением, здесь не предусмотрены. Частность? Да. Но образный строй повести чутко реагирует на самые незначительные произвольные «включения»...

Заканчивая повесть, мы невольно спотыкаемся на последней фразе:

«Люди добрые, спасите Настю».

Это голос автора. Но не «набатный» (хотя идет описание пожара), а просто высокий и резкий, внезапно нарушающий серьезную и сдержанную атмосферу повествования. Да, Настя Сыроегина совершила преступление. В страхе, что тайна ее «приписок» выйдет наружу, она подожгла ферму. Но В. Тендряков уже успел убедить нас, что моральная встряска, пережитая Настей в ночь поджога, станет началом ее возвращения к самой себе, к той Насте, которая не соблазнилась «чистой» жизнью в городе и осталась со старухой матерью; к той, которая, продав новое пальто, на вырученные деньги накупила лекарства для заболевших поросят...

Короче, силу преодоления «мотыльковости» автор обнаруживает прежде всего в самой героине. Что ж, мы за долго до финала склонны были верить в Настю Сыроегину. К чему же тут: «Люди добрые, спасите»? Всего лишь одна фраза. Писатель «выходит в эфир», как взбудораженный свидетель происшествия, не знающий, что откуда взялось. И сразу же возникает сомнение или пусть даже тень сомнения в прочности и высоте авторской позиции. А позиция достаточно прочна, художественный замысел по-настоящему значителен!

Но его развитие требует от писателя предельной творческой собранности. И, разумеется, шумовые эффекты здесь заведомо «вне закона».

В. КАМЯНОВ

СЕНЕГАЛ

НЕОБЫЧНЫЙ КОНКУРС

В последнее воскресенье июня на пляже Нгаре в столице Сенегала Дакаре происходил конкурс скульпторов. Необычность этого конкурса заключалась в том, что в нем участвовали дети от шести до тринадцати лет (они соревновались в двух возрастных группах — старшей и младшей), которые создавали свои произведения прямо на пляже из «местного» материала: песка и морских водорослей. Время конкурса было ограничено — два часа тридцать минут. Слыше двухсот сенегальских детей участвовали в этом творческом конкурсе, обнаружив замечательную фантазию и незаурядное мастерство. В тематике детской скульптуры преобладали африканские мифы. Так, победитель первой группы Папа Алюн Диуф отлично воспроизвел архитектуру сенегальской хижины, призер группы старшего возраста Мишель Сигле сделала выразительную фигуру лежащего слона, а победитель старшей группы Абдель Латиф Джонсон построил привлекшую всеобщее внимание песчаную модель данарского католического собора. Трое победителей получили право на поездку во французский город Ла-Воль, где 18 августа откроется международный конкурс «песчаной» скульптуры.

АНГЛИЯ

БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

Уголовные процессы против издателей и индустриальцев, выпускающих и распространяющих порнографическую литературу, — явление не редкое в Англии. На бизнесменов, торгующих порнографией, налагают большие штрафы, у них конфискуют издания и... все остается без видимых изменений. Издатели по-прежнему печатают порнографию, а торговцы сбывают ее, снаем, в Ньюас-ле или на узких улочках квартала Сохо в Лондоне. По свидетельству депутата английского парламента лейбориста Джеффри Родса, в Сохо порнографическую литературу и непристойные открытки продают почти в открытую подростки в возрасте от одиннадцати до пятнадцати лет. Причем в магазинах этого района порнография обычно маскируют обложками книг о войне или приключениях. По утверждению Джеффри Родса, огромное количество подобных книг переходит из рук в руки в лондонских школах. Превращение торговли порнографией в доходную отрасль большого бизнеса признал недавно британский генеральный прокурор сэр Элвин Джонс. Он сообщил в палате представителей, что только с 1961 по 1963 год таможи страны изъяли почти два миллиона экземпляров порнографической литературы, предназначенной и ввозу в Англию. За прошлый год экспорт порнографии усилиями таможи удалось сократить на полмиллиона экземпляров, а в середине нынешнего года — еще на сто тысяч. В эти цифры не вошли сотни тысяч конфискованных журналов порнографического содержания. Сэр Джонс обратился и широкой публике с просьбой извещать полицию в каждом случае, когда будет обнаружена порнография. Поможет ли это?